

Berlin, 22 Januar 1933

Die russische Zeitung
NASCH WJEK

Редакция и контора: Berlin-Schöneberg,
Goltzstr. 9. Телеф.: B 7 Pallas 16-13

Postscheckkonto:
Berlin 3481 „Nasch Wiek“

Контора открыта ежедневно от 11^{1/2} до 1^{1/2} ч. д.
Прим. в редакцию по втор. и субб. от 12 до 2 ч.

№ 60

Воскресенье, 22 января 1933 г.

3-й г. изд.

НАШ
ВЪК
ЕЖЕНЕДЪЛЬНАЯ ГАЗЕТА

„UNSER ZEITALTER“

15.

AUSWÄRTS
20 Pfg.

Каторжник Антон Чехов

«Остров Сахалин» еще в начале нынешнего века был одним из самых страшных каторжных центров царского режима. Содержавшийся там русский поэт Чехов впоследствии в знаменитой книге описал свою ссылку и о Сахалине... К сожалению это описание у нас мало известно — не без горечи добавляет автор.

Сотрудник газеты, скорбящий о нѣмецком читателѣ незнакомом с «Островом Сахалином» Ан. Чехова — сам этой «знаменитой книги» безусловно не читал. Вѣдь с первой-же главы ему было бы ясно, что «каторга» и «ссылка» Чехова являются чистѣйшим вздором, что Чехов побѣжал на Сахалин в качествѣ свободного журналиста и пользовался всяческим содѣйствіем мѣстных властей.

«Первый репортаж о колоніи осмыленных царской Россіи 50 лѣт тому назад» напечатан не в мелком провинціальном листкѣ, а в газетѣ весьма авторитетной в Германіи и за ея предѣлами, с полным основаніем претендующей на стаж высокой культурности и добросовѣстности. В иллюстрированной части послѣдняго воскреснаго номера «Берлинер Тагеблатт» (Вельт-Шингелъ, 16-I-1933, № 3) помѣщен ряд снимков, взятых из книги Вл. Дорошевича с пояснительным текстом полным нелѣпостей вродѣ «ссылнаго Чехова». На них, собственно, не стоило бы останавливаться. В странѣ, гдѣ изученіе современной Россіи находится на высоком уровнѣ, недоступном другим западным странам, можно было бы ожидать болѣе внимательнаго отношенія и к прошлому Россіи и к ея крупному писателю. Но мы давно приучены находить «клякву» в самых неожиданных мѣстах и ей не удивляться. Появленіе «репортажа» в «Берлинер Тагеблатт» свидѣтельствует о явленіи гораздо болѣе грустном.

От времени до времени в этой газетѣ печатаются километрическія полосы с репортажем о современной Россіи. Приурочены онѣ обыкновенно к съѣзду или совѣщанію, гдѣ представлен Советскій Союз. Статьи пишут свѣтила Россійскаго коммунизма. От статей в «Извѣстіях» онѣ отличаются обиліем дутых цифр, безудержным бахвальством и совершенно безпардонным расчетом на невѣжество читателя. Догнать, перегнать, достичь, открыть, найти, преобразить, выполнить — всѣ эти глаголы, преподносимые читателю внутри Россіи главным образом в будущем времени, здѣсь сразу переходят во время прошедшее. Юги в Индіи рекомендуют имѣть особую комнату для бесѣд с людьми злыми и лгущими: тогда вредныя флюиды локализируются в одном мѣстѣ. Длительное пребываніе в такой комнатѣ опасно для порядочнаго человѣка. «Берлинер Тагеблатт» придерживается системы югов. Для советских рекламных статей отводится обыкновенно особое приложение. Но рядовой читатель газеты в таких тонкостях плохо разбирается. Для него утвержденія «вождей» покрыва-

ются авторитетом солидной буржуазной газеты и под заголовком «Берлинер Тагеблатт» имѣют гораздо большую убѣдительность, чѣм на страницах «Роте Фане».

В газетном советском лексиконѣ очень часто употребляется слово «дезинформация». «Дезинформацией» зовется такого рода сообщеніе, которое должно дискредитировать противника или отклонить вниманіе читателя от неудобнаго явленія — «отвести глаза». В европейскую печать просачивается все болѣе свѣдѣній о массовом, заранее распланированном истребленіи людей в советских концентраціонных лагерях и мѣстах ссылки. Эти люди ни с какой стороны не подходят под категорію преступников. Их считают в Россіи элементами «соціально ненужными» и «переводят на валюту» — сотнями тысяч, в заранее опредѣленный срок истребляя на лѣсозаготовках.

Ни в коем случаѣ нельзя идеализировать каторги вообще и русской каторги полвѣка тому назад в особенности. Но вѣдь в сравненіи с мѣстами организованнаго, продуманнаго и систематическаго умерщвленія вродѣ Соловков, архангельских и сибирских лагерей-повѣствованіе Дорошевича о том, что было 30 лѣт тому назад звучит идилліей. «Кто не удивлялся утонченной фантазіи, с которой в средніе вѣка для вящей славы Бога придумывались жесточайшія пытки и наказанія! В Сибири пятьдесят лѣт тому назад старались нисколько не отстать от средневѣковья и среди других орудій мучительства сооружали карцеры, гдѣ арестант должен был стоять...» Таков текст под снимком Дорошевича, изображающим арестанта в карцерѣ. Дѣйствительно, что в сравненіи с этим замораживаніе раздѣтых до нага людей в лѣсных карцерах Соловков и архангельских лагерей. Под снимком, изображающим работы в угольных копях, подпись: «Рабочіе — дешевые китайскіе кули. На этом снимкѣ видны примитивные методы, примѣнявшіеся для добычи угля при царском режимѣ. Опасное поясненіе! Вѣдь нѣмцам весьма свойственны любознательность и основательность. Вдруг читатель захочет перевести на реальныя цѣнности заработную плату не на каторгѣ, а в донецких копях и сравнит их с реальной заработной платой китайских кули. Благо нѣмецкая литература переполнена описаніями нѣмецких техников и рабочих, служивших в Россіи и там приведенны не только получаемыя рабочим суммы, но и стоимость предметов первой необходимости. Возможно, что редактор стремился дать воскресному читателю острый, щекочущій нервы матеріал. Стоило ли для этого рыться в архивах, вспоминать русскую ссылку пятьдесят лѣт тому назад и тревожить память каторжанина Чехова. Не лучше ли было ознакомить читателя с измѣненіями, происшедшими в области русской ссылки с той далекой поры.

В. Скрынников.